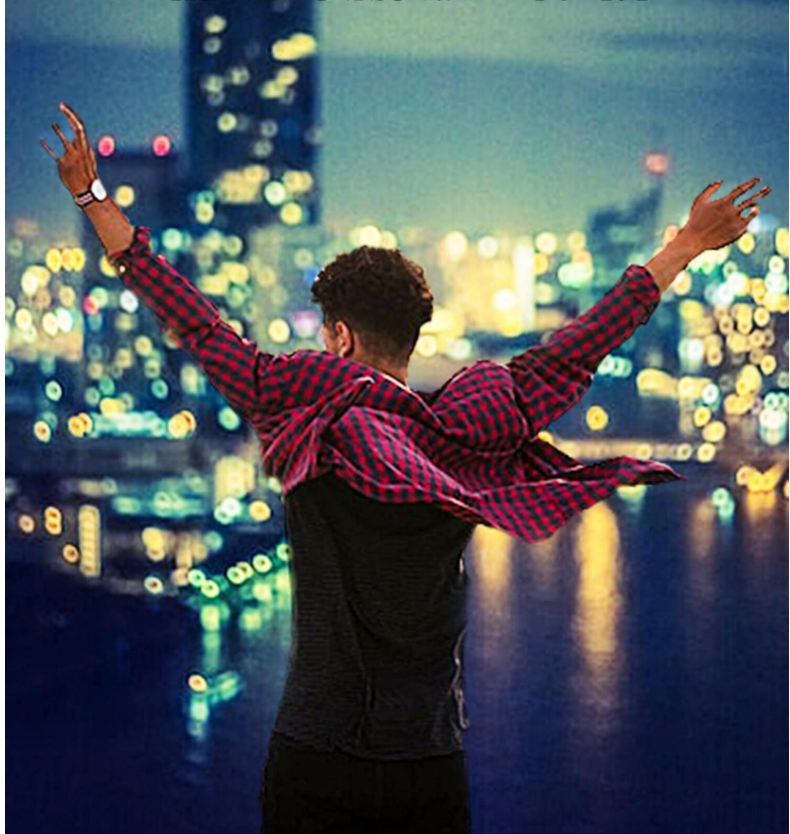

ПОЛИНА ЛЮРО

**УЖАС, ЛЕТЯЩИЙ
НА КРЫЛЬЯХ НОЧИ**

Полина Люро
Ужас, летящий
на крыльях ночи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69519163

SelfPub; 2023

Аннотация

Даже самая долгожданная месть не может сделать человека счастливым. А вот монстром... Рассказ входит в цикл "Монстры в городе".

Полина Люро

Ужас, летящий на крыльях ночи

Боже, как я любил этот мультик в детстве! На даче мы с друзьями усаживались перед стареньким телевизором, мама угощала всех пирожками, которых, сколько ни ешь, всегда было мало, и смотрели его, весело комментируя происходившее на экране. Пока родители не выгоняли нас играть на улицу.

А там царило лето, жара и комары. Но это не мешало нам делать непродуваемые чёрные плащи из мусорных пакетов и «бороться» за справедливость, ломая палки о могучие стволы крапивы...

Детство, детство — беззаботное и безбашенное. Почему ты так быстро кончилось?

Звук сирены подъезжающей полицейской машины вернул меня к реальности, заставив, наконец, застегнуть кнопки старой куртки и открыть зонтик. Ливень словно спешил вогнать в землю не только подъехавшую следственную группу, но и многочисленных любопытствующих, топтавших в тупом желании рассмотреть через пелену дождя то, что скрывалось за натянутой лентой.

А смотреть—то, в общем, было не на что. Тело уже закрыли непромокаемой плёнкой, а больше ничего интересного не предвиделось. Полицейские быстро разогнали всех зевак, включая меня, убедившись, что ни одного свидетеля тут не найти... Знакомый следователь пожал мне скользкую от дождя руку:

— Тебя-то, журналюга, как сюда занесло? Неужели своим длинным носом почуял запах крови?

— Если бы, Семёныч. Я же в соседнем доме живу, с работы возвращался. Да ты знаешь. Жаль, опоздал — пока подбежал, ваши тут уже всё обнесли и даже не дали на камеру снимать.

— Иди домой, Саш! Ничего здесь особенного нет — опять очередные бандитские разборки. Ты же вроде в модном журнале работаешь — девчонки, супермини и всё такое. Что тебе тут делать?

— Да уж, ты прав — ничего стоящего. Ладно, пора, мама заждалась. Заходи к нам в выходные, я дома буду, статью готовлю. Тоже мне, друг детства, почти год не виделись...

— Спасибо, правда, некогда, замотался. Ну, забегу как-нибудь, маме — привет! Когда жену в дом приведёшь? Ирина Петровна, наверное, уже заждалась внуков? — он привычно засмеялся, зная, что это меня смутит и заставит побыстрее уйти от доставших вопросов. Ну да, мне — скоро тридцать, а я всё так никого и не нашёл. Удивительно для парня с горбом, верно? Задолбали, благодетели...

Я быстро возвращался к дому, чувствуя, как плотные ледяные струи затекают за воротник куртки и холодят спину, отскакивая от прижатых к ней тонких кожаных крыльев. Скользких как латекс. В детстве я стыдился уродливой выпуклой спины, над которой посмеивались ребята, обзывая меня горбуном и чудищем. Сколько я плакал у мамы на руках, уговаривая ее отвезти меня в больницу и навсегда отрезать проклятый довесок. А она почему-то улыбалась и говорила:

– Это не горб, Сашенька, это твоя сила зреет, потерпи пару лет, сам увидишь.

Я ей верил и мечтал, что там растут мои крылья, моё будущее. И она была права. Только ждать этого пришлось гораздо дольше, поэтому, наверное, в нашем доме до сих пор хозяйничает мама, а не красавица-жена.

Но, наконец, настал день, который трудно забыть. Как же мне было страшно! Гораздо хуже, чем когда в школе на "уроде" напали старшеклассники и избili просто ради забавы. Или когда за спиной, нагло ухмыляясь в лицо, шушукались однокурсники. И ещё много раз за годы, полные отчаяния и унижения, и всё из-за него — проклятого горба.

И когда однажды кожа на спине вдруг внезапно стало сухой и хрупкой, а потом от малейшего движения осыпалась крошками на пол, обнажив тонкие, скомканные и мягкие, чуть толще обычных пакетов, с которыми мы играли в детстве, кожаные пластины на узких суставчатых костях — я

смотрел в зеркало и плакал.

— Вот это — крылья? — спрашивал сам себя, — убеждение, как у летучей мыши, только размером чуть больше, и поднять они, наверное, смогут только её.

Это был шок, разбитые вдребезги ожидания и мечты. Хорошо, что мамы всю неделю не было дома: она не должна была увидеть то, что я тогда собирался с собой сделать...

Не помню, как вылез на крышу высотки, где мы жили, и сел, закрыв лицо руками. Был вечер, лето. Не так просто решиться закончить всё разом. Я сидел и слушал, как шумит ветер, как он треплет волосы, как расправляет и сушит тонкие кожаные крылья, не способные меня удержать. Мне было двадцать, говорят, в таком возрасте — вся жизнь впереди. Только вот зачем нужна такая жизнь?

Я тяжело дышал и думал о маме: какую боль причинит ей моя трусость. Как она будет жить без такой слабой и ничёмной, но всё-таки — опоры.

— Нет, не могу сделать это с ней... Не брошу её один на один с таким ужасом. Я сильнее, столько лет терпел, переживу и ещё сколько потребуется.

Подняв заплаканные глаза, посмотрел в усыпанное звёздами небо, в эту бездонную даль, что прекрасно обходилась и без меня, но так всегда к себе манила...

И сам не заметил, как, встав, подошёл к самому краю крыши и протянул руку вперёд, словно пытаюсь прикоснуться к недоступному. Ветер ударил в спину и, вместо того чтобы

камнем рухнуть вниз — я полетел. Мои тонкие, но, как оказалось, крепкие крылья были идеально приспособлены для планирования, и потоки воздуха понесли тело далеко от дома.

Дальнейшее помню смутно. Сначала была неловкая попытка подвигать плечами. Нет, *этим*, что так долго пряталось внутри меня — *крыльями*, и они послушно помчали вперёд. Я словно с самого рождения умел летать. Так вот, что означали слова — родиться заново. Какое же это наслаждение — парить в вышине, зная, что никто меня не видит, управлять своим телом и наконец-то понять, что это и есть настоящая свобода. Та, о которой всегда мечтал...

Потом таких полётов было много, но этот, первый, я запомнил на всю жизнь. Тогда в эйфории, наивно полагал, что теперь-то моя жизнь круто изменится. Вот ведь дурачок: спрятанные под одеждой крылья повторяли очертания горба, и для всех я остался тем же уродцем Сашкой, которому суждено до конца дней носить свою некрасивую ношу.

Но самым страшным было то, что даже маме я не мог признаться в случившемся. Она все эти годы лгала мне, поддерживая, но стоило только намекнуть о произошедшем чуде — закрыла уши руками и засмеялась, не поверив... А показать ей крылья — не решился, чтобы не испугать.

Но ей я всё простил, а вот другим... С обретением крыльев во мне проснулись старые обиды, вспомнились все те несчастные годы, что вынужден был терпеть ежедневные

унижения. Теперь я стал другим: уверенным в своей силе, способным дать отпор тем, кто когда-то смеялся над уродом и горбуном. Но вместе с этим что-то сломалось в душе.

У меня появилась цель в жизни, и это было не жалкое стремление закончить университет, чтобы найти себе тёпленькое местечко в этом мире, полном боли и несправедливости. Внезапно проявившиеся новые черты характера — спокойствие, напор, умение всегда добиваться поставленной задачи и так довольно высоко вознесли Сашку-горбуна в карьере. На самом деле мне на это было плевать. Тогда я считал, что хочу от жизни только одного — мести. И с крыльями получил желаемое, не сразу поняв, что это путь в бездну.

Да, вначале возбуждение при подготовке и разработке плана, выброс адреналина — зашкаливали. Я, как ребёнок во время игры, радовался, снова чувствуя себя любимым с детства, нелепым и смешным, но «правильным» Чёрным плащом. И так увлёкся, что в этих играх потерял связь с реальностью.

Мои насмешники и обидчики получили своё: я пугал их, не испытывая жалости, наслаждаясь криками, и не потому, что очерствел. Просто заигрался, забыв, что имею дело с живыми людьми, которым после моих забав частенько было трудно подняться с земли. Став жертвами жестоких розыгрышей, они нуждались в срочной помощи, но об этом я не думал, всё больше и больше превращаясь в чудовище. И только недавно, когда сердце бывшего одноклассника не вы-

держало и остановилось, понял, что натворил.

Женщина, поседевшая на моих глазах, так страшно рыдала над телом погибшего сына, пока я, спрятавшись на крыше гаража, испуганно наблюдал за ней и за суетившимися полицейскими. И вдруг показалось, что это я там лежу с перекошенным от страха лицом, а моя мама плачет, сходя с ума от горя, повторяя:

– Что ты сделал с собой и другими несчастными, глупыми детьми? Мой славный добрый Саша, когда ты так изменился? Остановись, прекрати этот кошмар... Я проклинаю себя и день, когда, пожалев, вытащила тонущего горбатого кроху из грязного ручья. Надо было пройти мимо и оставить тебя там, не человек — монстр...

И только тогда я очнулся. Ушёл из дома, потому что боялся оставаться рядом с ней, боялся, что она обо всём догадается и перестанет меня любить. А это всё, чего я на самом деле хотел — любви и понимания.

Плотнее закутавшись в старую куртку и надвинув капюшон на голову, сделал вид, что ухожу от друга детства к дому, в котором не появлялся уже несколько месяцев. Я написал маме, что уезжаю за границу. Знал, что она не поверит, но не будет меня искать, потому что по-прежнему любит. Я остался совсем один и продолжил этот кошмар, ведь сам почему-то не мог остановиться, хотя теперь *это* не вызывало во мне никаких эмоций.

Наконец, пришло осознание того, что крылья были моим

испытанием, и я его не прошёл. Сам выбрал ложный путь и раскаялся в этом слишком поздно. Никому — ни мне, ни тем, кто пострадал — уже нельзя было помочь. Осталось только со страхом ждать того, кто остановит меня и сломает проклятые крылья, несущие с собой ужас ночи...